

— Тот раз, когда он был с Нини, он приподнял мой подбородок и спросил, как меня зовут. На самом деле он знал. Он прекрасно знал, кто я такой. С самого начала он знал, кто я.

Я не понимал, какие раздоры возникли между семьями Сяо и Чэнь, да и не хотел знать... Просто на душе было беспокойно.

— Маленький Ворон?

Генри тихо позвал меня.

Я изо всех сил попытался улыбнуться.

— Генри, скажи, если любишь человека, будешь ли ты верить ему безоговорочно?

Он задумался, улыбнулся, а затем едва заметно покачал головой.

— Маленький Ворон, тот, кого люблю я, говорил мне... все те сладкие речи, которые он мне шептал, были ложью.

Я опешил.

— Сколько людей, столько и видов любви. Каждый понимает её по-своему. Ты можешь верить человеку всецело, когда любишь его. А он вправе решить, что будет доверять тебе лишь отчасти.

— Разве это не несправедливо?

Генри слегка приподнял лицо. Его черты были такими утонченными и изящными, но взгляд оставался глубоким, словно океан.

— Любовь с самого начала не бывает справедливой.

После ужина Генри подвёз меня до дома.

— Юйчэн, не забивай себе голову лишним, — сказал он, когда я собирался выйти из машины.
— Поступай так, как считаешь нужным. Знаешь, любить кого-то означает прежде всего сильнее любить себя. Ты сам — самое важное, что у тебя есть.

Хм? Кажется, я уже где-то слышал эти слова!

В тот момент он сидел в машине, слегка повернувшись ко мне. Голова была приподнята, золотистые волосы и голубые глаза всё ещё до боли напоминали того принца эльфов.

Хотя лето ещё не закончилось, вечернее солнце постепенно становилось мягче.

Я прищурился, внезапно поймав себя на желании вздохнуть. Я понял. Я понял, о ком говорил Генри, кого он называл своим другом и кого любил. Любовь, которую он выбрал — это та любовь, в которой с самого начала нет надежды, но которую всё равно принимаешь с радостью, как желанный дар.

— Генри...

— Что-то ещё, Маленький Ворон?

Я покачал головой.

— ...Ничего.

Не знаю почему, но мне захотелось плакать.

Генри протяжно вздохнул. Он вышел из машины, нежно обнял меня и прижал мою голову к своей груди.

— Иногда мужчины более хрупкие, чем женщины. Потому что, когда мы плачем, мы не можем позволить другим увидеть это. Особенно тем... кого мы любим или кто любит нас.

Мои слёзы намочили его рубашку.

Слёзы, копившиеся целый месяц — с того момента, как я узнал, что Мякиш обманывал меня, до тех пор, как я тайком ушёл от него, и до этого самого мгновения, когда я смотрел вперёд, полный решимости, но всё ещё такой потерянный... Казалось, я плакал одновременно за себя и за кого-то другого.

Как ребёнок, уткнувшись в материнские объятия, я разрыдался в голос.

Жизнь, полная работы и учёбы, продолжалась. Иногда я был настолько занят, что терял счёт времени. Отношения с коллегами в компании постепенно налаживались, особенно с тем старшим наставником, что помогал мне.

На самом деле раньше я работал спустя рукава, сохранив в себе немало избалованности, присущей богатеньким сынкам, но теперь всё стало иначе. Я привык и понял: рядом больше

нет того, кто будет меня опекать и служить надёжным зонтом. Вечерние курсы тоже давались нелегко — только сегодня я осознал, что учиться по-настоящему — задача непростая. Оказывается, я вовсе не гений. Начальник говорил, что любое начало трудно, но когда всё входит в колею, станет легче.

Я вспомнил слова матери о том, что станет делать принц, лишившись денег и государства.

Возможно, он встретит принцессу, у которой есть своё королевство и богатство, женится на ней и вновь обретёт всё.

А может, он встретит другого принца. Я знаю, что любовь между двумя принцами — вещь возможная, и тогда... и тогда... если они не смогут стоять на равных, их любовь никогда не будет справедливой.

Генри, я хочу доказать тебе, я хочу показать, что любовь иногда может быть честной.

Я хочу стать маленьким вороном, который способен летать на собственных крыльях. Если Мякиш полюбит меня так же сильно, как я его, то любовь, которую он мне даст, должна быть бескрайней, словно небо, позволяя мне улетать в самые дальние дали, но при этом всегда возвращаться в его объятия.

Я люблю его.

Поэтому я хочу, чтобы он любил меня ещё больше.

Конечно, и я буду любить его ещё сильнее.

— Юцзэ, ещё не уходишь?

Наставник прибрался на столе и заглянул ко мне.

Я уставился в монитор компьютера.

— Почти закончил.

— Сегодня вечером есть занятия?

— Есть, — я поднял голову.

— А на выходных? Если будешь свободен, заходи ко мне. Мне кажется, тот рецепт черничного пирога, который ты обсуждал с ребятами, уже доработан.

— Хорошо, если буду свободен, я позвоню тебе.

Он кивнул.

— Тогда я пойду. По дороге домой будь осторожен.

— Да тут совсем близко! К тому же я мужчина, чего мне бояться. Выглядит всё ещё как мальчик, хотя вырос гораздо сильнее, чем когда только пришёл, — он громко рассмеялся. — У босса отличный глаз, я и сам не ожидал, что ты так быстро сможешь справляться со всем в одиночку.

Мне стало немного неловко. На самом деле все мне помогали, и поскольку я старался изо всех сил, они охотно давали мне советы.

Попрощавшись, он открыл дверь и собрался уходить.

Я продолжил усердно возиться за компьютером, чтобы потом сразу отправиться на вечерние курсы.

— Юйцзэ, тебя кто-то ищет.

Старший коллега заглянул внутрь и громко крикнул.

Кто-то ищет меня?

Я ошеломленно поднял голову и задумался: кто же это?

Дверь открылась, и вошли два человека. Двое — мужчина и женщина.

— Чэнчэн.

Я услышал, как та женщина мягко произнесла мое имя. Я не разглядел ее лица, потому что с самого начала, с того самого мгновения, как они появились в поле моего зрения, из глаз непрерывным потоком хлынули слезы.

— Чэнчэн, мы вернулись...

Раньше я видел эту сцену во сне, причем бесчисленное множество раз.

Поэтому и сейчас я поначалу думал, что мне просто снится сон.

— Чэнчэн.

Это был мамин голос. Я помнил его так отчетливо — голос мамы, который не забудешь, сколько бы времени ни прошло.

Я все так же неподвижно сидел на стуле и не мог встать, словно мои ноги мне не принадлежали, а все вокруг могло исчезнуть, стоило мне лишь неосторожно шевельнуться.

— Чэнчэн, ты похудел.

Они подошли ко мне, и мама взяла мое лицо в свои ладони. Я широко раскрыл глаза, глядя на

то, как в зрачках все отчетливее проступает родное лицо. Мамино лицо.

Ее руки были теплыми, а прикосновение к щекам — таким нежным.

— Нет, он окреп. Чэнчэн вырос.

Рядом с мамой стоял папа — такой же мягкий, интеллигентный папа. Я слегка повернул голову и посмотрел на него.

— Чэнчэн, прости нас.

Слезы скатились из мамин глаз и упали на мое лицо, оставив прохладный след. Я моргнул, а затем тихо закрыл глаза. Если я открою их и они все еще будут здесь, смогу ли я поверить, что это не сон?

Я открыл глаза и увидел их.

Все те же мягкие, со слезами на глазах улыбающиеся лица, все те же нежные, интеллигентные улыбки.

— Мама... папа...

Как же давно я их так не называл.

— Чэнчэн.

Мама обняла меня и громко заплакала.

Это не сон, это по-настоящему, неужели это правда? Практически не колеблясь, я тоже обнял маму, а папа широко раскинул руки и заключил в объятия нас обоих.

Я воодушевленно повел папу с мамой смотреть свой дом. Точнее говоря, арендованную мной квартиру.

— Машина вон там.

Папа с улыбкой посмотрел на меня.

Я энергично затряс головой:

— Нет, не нужно ехать на машине, мы можем дойти пешком, тут всего двадцать минут пути.

Мама потрепала меня по волосам.

— Раньше, Чэнчэн, ты ведь больше всего на свете не любил ходить пешком.

Я смущенно улыбнулся.

— Я вырос.

— Да уж, наш Чэнчэн вырос.

Мама отвернулась. Она что, снова заплачет? Мама только что плакала так долго, ее глаза покраснели, и мое сердце сжалось от жалости к ней.

— Мама, разве плохо то, что я вырос?

Я обнял ее, как в детстве. Я уже стал выше мамы, поэтому мне пришлось опустить голову, уткнуться лицом ей в плечо и мягко потереться о него — точно так же, как бесчисленное множество раз делал раньше.

— Хорошо, конечно же хорошо.

— Вы оба вечно исключаете меня из вашей компании, — папа кашлянул. — Чэнчэн, ты с самого детства любил единолично владеть мамой, как же так вышло, что и повзрослев, ты ничуть не изменился?

Мое лицо слегка покраснело, но я лишь крепче прижался к маме.

— Чэнчэн больше всего любит маму.

Папа сначала опешил, а потом рассмеялся. Он вспомнил, что именно так я себя вел и говорил каждый раз, когда он подшучивал надо мной, называя ребенком, который вечно липнет к матери.

Мама повернула голову и нежно посмотрела на папу, а он — на нее. С тех пор как я себя помню, они любили друг друга так сильно, и это чувство никогда не менялось.

Я ошеломленно смотрел на них, словно ничего этого не происходило, время отмотало назад дни до их исчезновения, и я снова был маленьким принцем под защитой папы и мамы...

Я вдруг вспомнил Мяньдао, вспомнил, как встретил его в кондитерской, вспомнил, как видел его на той улице, и как встретил у Луоши. Вспомнил нашу первую близость, вспомнил, как услышал за дверью его разговор с Линь Хайшанем, вспомнил, как принц эльфов говорил, что ищет меня... Меня внезапно охватил ужас: неужели время и впрямь повернет вспять? Если время обратится вспять, разве я тогда не встречу Мяньдао? Разве тогда... многое-многое из того, что произошло, не случилось бы? — Чэнчэн, что случилось? — мама заметила, что я сам не свой, и посмотрела на меня с нежностью. — Ты на нас сердишься?

Я продолжал ошарашенно смотреть на них, в голове стоял сплошной туман.

— Чэнчэн, поехали сначала домой. Дома поговорим, хорошо? — тихо сказал отец.

О чем говорить? Я пришел в себя. Я не сержусь на них. Что бы ни произошло, я никогда не буду на них злиться. Я достал ключ, открыл дверь и щелкнул выключателем.

— Та-да! Пришли.

Мой дом — это крошечное местечко: всего одна комната да маленький балкон. Я перенес туда кухню, чтобы ночью, когда сплю, меня не душило запахом еды.

Мама подняла голову и огляделась.

— А где же ванная?

Я покачал головой:

— Ее нет. Но внизу, на углу, есть общественная, совсем рядом!

— Чэнчэн, а как же ты моешься?

— Тоже хожу в общественную баню! Это недалеко, минут десять пешком.

Отец осмотрелся по сторонам, кивнул и слегка улынулся.

— Чэнчэн, ты привык? Я имею в виду такую жизнь, привык или нет?

Я немного подумал и честно ответил:

— Поначалу было непривычно...

Все нужно делать самому: готовить еду, стирать одежду. На работу, на учебу — стараюсь меньше ездить на транспорте, чтобы сэкономить. Но есть и плюсы. Здоровье стало намного лучше, могу за короткое время сварганить несколько блюд. А одежда... По крайней мере, теперь я могу отстирать манжеты и воротнички дочиста.

Отец заметил учебники на столе.

— Чэнчэн, это твое?

Я кивнул:

— Да, учусь в вечерней школе на экономике и управлении.

Мама тоже открыла для себя новый мир.

— Оригинальные романы на английском? — она взяла книгу с края подушки.

— На самом деле... на самом деле я почти ничего не понимаю... приходится пользоваться словарем.

Читать эти истории очень тяжело. Несколько раз хотелось все бросить, но я думал: если я не проявлю упорство, то не зря ли я решил уйти от Пельмешка?

Отец и мама присели на край кровати. Я посмотрел на них и вдруг почувствовал, что чего-то не хватает. Чего именно? Почесал в затылке. А, вспомнил!

— Сейчас, секундочку!

Я выбежал на балкон, нашел в шкафчике две маленькие мисочки — чистые-пречистые. Вбежал обратно в комнату, налил из термоса горячей воды и осторожно поставил на стол.

— У меня нет чашек, папа, мама, вы же не против?

Я показал им язык. На самом деле я хотел купить, но те, что мне нравятся, стоят очень дорого. Правда, мой старший коллега обещал подарить мне целый набор. Но, думаю, после испытательного срока и зарплата вырастет.

Закончив с делами, я сел на стул. Я знал, что сейчас они расскажут мне то, о чем я смутно догадывался.

Отец слегка улыбнулся, посмотрел на мисочки, потом на меня, а затем на маму.

— Чэнчэн, когда ты жил дома... — мама тихо рассмеялась, — ты никогда не делал ничего подобного.

Конечно, ведь принцам никогда не приходится ничего делать своими руками.

— Хорошо, теперь мы начнем, — отец прочистил горло. — Чэнчэн, ты пока молчи, послушай нас, а потом выскажешь свое мнение. Договорились?

Я кивнул и сглотнул. Кажется, все очень серьезно... Но я уже прошел этот путь и понял: даже если ты принц, то, при желании, можешь сам создать свой мир. Так чего же мне теперь бояться?

— Принимая это решение, мы с мамой постоянно сомневались, стоит ли так поступать... Твоя мама никак не могла решиться. Чэнчэн, ты наше сокровище, но мы не можем оберегать тебя вечно. У тебя нет ни братьев, ни сестер. Если мы с мамой уйдем раньше, как нам быть спокойными за тебя?

— Но... — я поспешно попытался вставить слово.

Отец слегка улыбнулся и покачал головой, и я замолчал.

— Видишь, у тебя по-прежнему детский характер! Тогда ты уже окончил университет, но все еще был как ребенок, — мама тоже улыбнулась. — Больше всего мы боялись именно этого... Если однажды ты не выйдешь из своего стеклянного дворца сам, я просто не смогу быть спокойна.

Я понял, что все привыкли считать меня ребенком.

— И поэтому...

— Поэтому вы открыли дверь и придумали способ вытолкать меня наружу, — я моргнул, перебивая отца, и с удовольствием увидел, как они оба застыли от удивления.

— Чэнчэн, ты... это Чжэньцзэ тебе сказал?

Значит, так оно и есть... Я тихо вздохнул. Пельмешек все-таки обманул меня, успешно обманул.

— Папа, продолжай.

— Но...

— Это я догадался, — я улыбнулся. — Я не такой уж глупыш.

Отец молча смотрел на меня, потом рассмеялся и повернулся к маме:

— Кажется, мы недооценили Чэнчэна.

Мама кивнула:

— Да. Чэнчэн, ты заставишь нас пожалеть о том решении.

Я был счастлив. Заставить их пожалеть об этом — наверное, это моя самая большая победа.

— Хорошо, продолжим, — напряжение, которое было у отца на лице вначале, исчезло. — Чэнчэн, ты помнишь Чжэньцзэ? Я имею в виду, до того как встретил его в этот раз, были ли у тебя воспоминания о нем из прошлого?

Я задумался. Я знал, что видел его раньше, но никак не мог вспомнить, когда именно.

— Когда ты только родился, — мама улыбнулась, глядя на меня с обожанием. — Твой отец когда-то работал в компании Сяо. Когда он ушел оттуда и открыл свое дело, отец Чжэньцзэ выступил гарантом.

...Такая глубокая связь? Я видел Пельмешка, еще будучи младенцем... Неудивительно, что у меня не осталось о нем никаких воспоминаний, просто было ощущение, что мы должны были быть знакомы.

— Когда мы с Чжэньцзэ подписывали контракт, он внезапно спросил о тебе. Я подумал: может, стоит попросить его о помощи? И тогда... — отец замялся, — мы разыграли этот спектакль. Сделали так, чтобы ты лишился всего имущества... хотели посмотреть, сможешь ли ты начать с нуля. Выбраться из этого стеклянного дворца и выжить самостоятельно.

Я опустил голову. Я догадывался, правда. Из слов Пельмешка и Линь Большоголового я догадался обо всем этом. Мне совсем не нравилось чувствовать себя обманутым самыми близкими и доверенными людьми. Я понимал, что это ложь во спасение, но на душе все равно было тяжело и неудобно.

— Чэнчэн, ты обиделся? — тихо спросила мама.

Я смотрел в пол, чувствуя, как защипало в носу.

— Прости нас, Чэнчэн, — мама встала, нежно обняла меня за голову и погладила по волосам. — Мы с папой хотели всегда баловать тебя, беречь, держать маленьким принцем в стеклянном дворце, никуда не выпуская. Мы хотели прикрывать тебя от всех невзгод и прокладывать дорогу ровной, чтобы ты никогда не споткнулся. Но мы не могли гарантировать, что проживем достаточно долго... И помнишь, Чэнчэн, то, что говорил папа? — мама проговорила по слогам: — Дашь человеку рыбу — он сыт один день, научишь ловить рыбу — он будет сыт всю жизнь.

— Вы могли бы дать мне все, но что, если бы я это потерял? Что, если бы вы не научили меня, как это добывать? — я уткнулся маме в грудь и глухо произнес: — Но вы могли бы учить меня, пока были рядом! Почему обязательно было выкидывать меня?

— Чэнчэн, скажи, пока мы были рядом, когда ты учился, когда папа просил тебя поработать в компании — когда ты был серьезен? Было, конечно, но хватало тебя лишь на три минуты энтузиазма. А некоторые вещи требуют упорства, и достичь их можно только в трудных условиях. — Она помолчала. — Например, оказавшись в нынешней обстановке, разве ты не научился стольким вещам?

Я поднял голову и посмотрел на маму.

— Мама, значит, теперь, когда вы пришли навестить меня, это значит, что я сдал экзамен?

— Наполовину, — она подмигнула и радостно рассмеялась. — Знаешь ли ты, что все мы с ума сходили от беспокойства? Никто не ожидал, что ты решишься уйти из дома. Что такое, тебе не нравилось работать в компании Чжэньцзэ? Условия там гораздо лучше, чем здесь.

...Судя по всему, Пельмешек не рассказал родителям о том, что между нами было. Впрочем, оно и понятно: если бы папа узнал, он бы живьем проглотил Пельмешка.

— Работая в компании... у Чжэньцзэ, я ничему бы не научился.

Это была правда. Он жаждал видеть меня перед глазами каждую минуту, и лишь тот единственный раз, когда я сходил на пирожное с Нини...

— Это верно, — отец подошел ближе. — В этот раз Чжэньцзэ нервничал даже больше нас.

— Еще бы он не нервничал, — мама обернулась и сверкнула глазами на отца. — Чэнчэн сбежал из его дома! Если бы с ним что-то случилось, я бы...

Я подумал, что будет, если мама узнает, что со мной сделал Пельмешек...

— Но откуда вы узнали, что я здесь?

Кто проболтался? Нини или Принц-Эльф?

— Мы присматривали за тобой, но не ожидали, что Линь Хайшань придумает такой план и снова выгонит тебя... Чэнчэн, а у Линь Хайшаня ты все время был таким ленивым?

Мне стало немного неловко.

— Не сказал бы... я очень старался работать, но поначалу действительно было трудно привыкнуть...

— Ты привык, что тебя все балуют, и Линь Хайшань тоже баловал тебя, как и все твои коллеги.

<http://bllate.org/book/21136/2144040>